

Владимир Соколов

Мое
распятое
христианство

Владимир Соколов

Мое растерянное христианство

«Автор»

2026

Соколов В.

Мое растерянное христианство / В. Соколов — «Автор», 2026

Христианство на уровне одного случайного человека из толпы – сомнения и размышления.

© Соколов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Владимир Соколов

Мое растерянное христианство

В этой небольшой книжке собраны разрозненные отрывки из дневника, посвященные христианской тематике. Я выделил их в особый раздел для большего удобства, чтобы к ним могли обращаться только те, кому действительно интересна эта тема. В этих записях нет никакой упорядоченности и сортировки, если не считать хронологической последовательности, в которой они были созданы.

Сегодня за ужином на кухне дискутировал с женой о том, как будет проходить Страшный суд – по справедливости или по любви. Если по любви, что тогда такое справедливость и зачем она нужна; если по «делам», т. е. по справедливости, то как быть с покаянием и несправедливостью адских мук. (Витгенштейн: «Если судить только по делам, без учета того, что к ним привело, то никто не спасется»). Разговор был вызван чтением православной брошюры о «Свидетелях Иеговы», очень неудачной и предвзятой: меня особенно возмутило то место, где на упрек «иеговцев», что Бог допускает и даже предписывает адские муки, невозмутимо объясняется, что мы не можем судить о Божественном Провидении – а значит, и о принципах, по которым будет вершиться Суд. Но если это так, то мы не можем судить и вообще об истине, благе, праведности, Боге и т. д.

Перед сном – Ансельм Кентерберийский и его диалог о дьяволе. Ансельм объясняет, что дьявол не получил от Бога благодать не потому, что Бог ему не дал, а потому, что не хотел взять; не хотел взять не потому, что Бог не дал ему возможность этого хотеть, а потому, что он эту возможность не использовал; не использовал эту возможность не потому (здесь мы бросили читать, но продолжу от себя – очевидно, потому что Бог создал его действующим не по принуждению, а свободно). У дьявола была, во-первых, свобода, то есть возможность добровольно следовать за Богом, и, во-вторых, возможность выбора, то есть способность действовать вопреки этой свободной воле. По учению отцов, возможность выбора – это не свобода, а просто поворот к греху, то есть как раз отказ от свободы, которая на самом деле есть ничем не ограниченная (тем более грехом) Божественная воля.

+

Читали вслух Иоанна Дамаскина «Точное изложение православной веры»: о том, что Бог любит всех людей и желает, чтобы они спаслись, а наказания грешников (и отправления их в Ад) Он желает как правосудный. Как ответ на мой вчерашний разговор с мамой, в День ее ангела, когда я высказывал свое мнение, что Бог призывает поступать с другими по любви, а Сам наказывает по справедливости. Спор с женой: как совместить любовь со справедливостью? Выходит, во время Суда Бог полностью отстраняет от Себя любовь и судит по справедливости, независимо от любви, так, как если бы никакой любви и не было; одно Лицо, благое и любящее, сменяется другим, суровым и непреклонным. Жена предположила, что Бог любит и тех, кого посылает в Ад на вечные и бессмысленные (поскольку ничем не разрешаемые) страдания, а они, в свою очередь, любят Бога; таким образом, Ад буквально переполнен любовью, и только демоны, терзающие души, заставляют их против воли выкрикивать богохульства. Разговаривая обо всем этом с женой, я рассуждал очень смело и с большим удовольствием, но при этом избегал смотреть на висевшее над дверью изображение Христа, как избегаю всегда, от лицемерного страха и стыда за свою греховность – лицемерного, потому что без раскаяния.

+

Разговор с женой о несправедливости и непоследовательности адских мук. Человек не может быть судим за отдельные поступки, так как они неразрывно связаны друг с другом: последующие следуют из предыдущих, и так далее до самого рождения. Оцениваться может только жизнь в целом, от начала до конца, но при такой оценке человек лишается какой бы то ни было ответственности за свои дела: ему пришлось бы отвечать только за то, что он родился. Поэтому нельзя ни оправдаться, ни быть обвиненным: можно лишь предъявить свою жизнь как данность, как факт, как вещь, которую потом поставят для хранения на полку.

+

Дамаскин: Бог сотворил Еву в предвидении того, что Адам падет и станет смертным, для того чтобы сохранить и продолжить человеческий род. Но если бы Он не создал Еву, то Адам бы и не пал, поскольку змий соблазнил его через жену. (На это Златоуст отвечает, что Адам пал бы в любом случае, но без Евы у него не было бы хотя бы того извинения, что его соблазнили).

+

Дамаскин. Бог все предвидит, но не все предопределяет. Он предопределяет все, за исключением нашей свободной воли (действия которой Он, однако, предвидит): это и есть Промысел. Промысел заключается в том, что Бог не принуждает нас к принятию решений, но поощряет их, если они добры, и оставляет без внимания, если они злы. Оставление без внимания бывает двух видов: оставление временное, ради испытания и исправления, и полное и окончательное, если грешник, несмотря на все старания Бога, упорствует в своих грехах и, следовательно, безнадежен. Однако и злые дела Бог использует и превращает во благо, помимо воли совершающего их.

Непонятно только, почему, если Промысел начинается там, где человек перестает просто думать и хотеть и начинает уже действовать, – почему в этой подвластной и управляемой Богом области все-таки существует зло: ведь Бог мог бы пресечь и изолировать любой дурной поступок, допустив его, ради нашей свободы, только в замысле и в воле. Августин прямо заявляет, что зло необходимо для общей гармонической картины мира: оно «оттеняет» благо, которое без этой тени, очевидно, было бы недостаточно рельефным. Неясно также, как сила, с какой Бог побуждает грешника к раскаянию, соразмеряется с силой его противодействия. Бог, во всяком случае, сильнее, Он мог бы, и не принуждая свободной воли человека, воздействовать на него наказанием, примером, поддержкой, чудом, вразумлением и в конце концов привести самого упорного и закоренелого грешника к спасению. На деле то, что происходит в жизни, если и обладает каким-то внятным воспитательным воздействием, то только для людей, уже верующих в Бога, другие же могут сделать прямо противоположные выводы. И в Евангелии Господь говорит притчами, чтобы его могли понять только заслуживающие этого, то есть избранные. Как это совместить с желанием спасти всех? Кажется, что в своем воздействии на грешника Бог доходит только до определенного предела и тут останавливается, полагая, может быть, что дальнейшее вмешательство будет равнозначно насилию; а если учесть, что Он заранее предвидит все поступки человека, включая и его реакцию на Свои действия, то незачем делать даже и эти попытки. Допустим, я точно знаю, что мой знакомый не примет у меня деньги, если я пред-

ложу ему меньше тысячи рублей; тогда я могу спокойно предлагать ему десятку, сотню и так далее до девятисот девяносто девяти рублей: это будет то же самое, что не предлагать совсем.

+

Почему я не подаю милостыни.

Во-первых, потому что мне неловко и стыдно за тех, кто просит подавание. Подавая, я чувствую себя виноватым уже тем, что своим поступком замечаю и подчеркиваю их униженное положение.

Второе, связанное с первым: потому что не хочу афишировать себя. Из застенчивости я стремлюсь ничем не выделяться из толпы, а пассивность и бездействие в отношении нищих более сдержанны и общественно корректны, чем откровенный жест дающего. Если первое – просто отсутствие поступка, нейтральный фон, то второе – явный и саморазоблачающий поступок, говорящий, и притом публично, о внутреннем мире того, кто его совершает.

В-третьих, потому что я сомневаюсь, что не имею дела с мошенниками, и из тщеславия не хочу показаться простаком в чьих-либо глазах, став объектом надувательства.

Четвертое, наименее важное, – потому что иногда мне бывает жаль своих денег.

+

Как христианин я сознаю свою греховность, но как человек не могу (читай «не хочу») ничего в этом изменить: значит, на самом деле я не сознаю своей греховности. Вопрос: как можно верить настолько мало, чтобы отчаиваться в своей способности уверовать, и настолько много, чтобы чувствовать очевидную необходимость веры? Мне тяжело читать отцов Церкви, потому что у них переворот уже совершился, тогда как у меня это далеко не так. Я предпочитаю тех, кто отчаивается и сомневается, кто стоит только на пороге веры, но продвинулся немного дальше, чем я: у них я надеюсь получить необходимые мне сведения.

+

Разговор с женой о двух естествах в Христе. Непонятно, почему Божественная природа, проникающая весь созданный ею тварный мир, включая человека, должна потом соединяться с человеческой природой как с чем-то внешним и чуждым для себя. Это все равно, как если бы писатель, придумавший женский персонаж, решил бы потом на нем жениться. Как будто в человеке есть что-то самостоятельное, не созданное Богом и не зависящее от Него; но что это может быть, если Бог – это все благо и все бытие? Выходит, человеческая автономность существует только за счет небытия и зла, которые Бог, соединяясь с человеческой природой, видимо, желает не изгнать (вместе с ними Он изгнал бы и свободу), а привлечь на свою сторону. Отсюда прямой путь к Бердяеву с его *ungrund*ом, который есть не зло, а первичный источник хаоса, бесформенной тьмы и ничем не контролируемой свободы, способной как отозваться на призыв Бога, так и отвергнуть его.

+

Ученики Христа не знали много из того, что сейчас известно каждому ребенку: о Троице, о двух природах во Христе, о спасении язычников и пр. Даже Его распятие и воскресение явилось для них полной неожиданностью – Христос не говорил им об этом ясно. Самое удивительное, что Он не написал ни строчки, хотя мог бы в письменном и засвидетельствованном виде оставить все те догматы, которые потом с такими муками и кровью веками вырабатывались Церковью (как изустно оставил, например, Господню молитву). Если бы существовало одно-единственное Евангелие от Христа, то ересей и проистекшего от них зла впоследствии было бы гораздо меньше, и во избежание его не требовалось бы насилловать человеческую волю: достаточно было бы ясно и точно сказать там то же самое, что потом Сам же Бог, если верить Церкви, говорил, например, через Павла или Августина.

Канонический ответ в этом случае может быть только один: Бог все делает наилучшим образом, значит, именно так было и надо, чтобы существовали постепенно проясняемая неясность догматов, ереси и всевозможное сектантство, тем более что никакие самые подробные инструкции, очевидно, не смогли бы избавить от них человечество, которое, во-первых, даже в наилучшей и совершеннейшей постройке найдет щель или лазейку, чтобы, забившись туда, постараться все разрушить, а во-вторых, это дело не разума и каких-то предписаний, а любви и веры. Но отсюда очень легко перекинуть мостик и к неканоническому ответу, именно, что для спасения души все эти догматы были и не нужны, иначе бы Христос о них не умолчал, а значит, вся работа Церкви по их выработке и укоренению, которую она проводила столь сурово, беспощадно расправляясь с отщепенцами, была, по меньшей мере напрасной, а по большей – вредной и опасной, ибо только зря сбивала с толку. В лучшем случае она имела лишь домо-строительное, дисциплинарное значение, чтобы управлять паствой, которая без этого контроля разбрелась бы кто куда.

+

Один монах, споря с братьями о домостроительстве, договорился до того, что во Христе человеческая природа была представлена только женской половиной, потому что мужской части взяться в Нем было неоткуда: не Святой же Дух, в самом деле, привнес ее в утробу Девы. Из этого он заключал, с некоторым даже торжеством, что спастись через сопричастность с божеством Христа могут только женщины, мужчины же так и остались не спасенными.

+

Пусть все с бешеной скоростью стремится к старению и смерти, но ведь как-то прожить это время нужно. Что до меня, я прожил уже достаточно, чтобы по окончании жизни устало отдать себя в руки создателя и судьи и сказать – вот, посмотри, что я тут натворил, только Тебе под силу разобраться в этом хаосе глупости и эгоизма.

Одна из «кошунственных» мыслей: усыхая и старея, человек надевает корсет веры. Раньше он был мал, жал во всех местах, а теперь как раз впору. Прийти к Богу напоследок, духовно обанкротившись, очерствев и онемев душой, – возьми, Господи, мою жизнь, все равно мне больше нечего с ней делать.

+

Человек был обманут змеем, но не в этом заключается его вина. Если бы он всего лишь простодушно обманулся, то был бы виноват только в глупости – и тогда ему было бы легко сослаться на Бога, который не дал ему достаточно ума. Ребенок и идиот не виноваты, что их обманывают. Но змей знал, что человек сам захочет поддаться на его обман, – в этом и заключался человеческий грех. Адам поддался не просто на уловку, а на соблазн, который нашел отклик в его собственной душе. В чем заключался этот соблазн? Змей предложил ему познание добра и зла и следующее из него божественное всезнание – «будете как боги»¹. Соблазн был двойной – главным образом интеллектуальный, но приправленный чувственной привлекательностью самого предмета, посредством которого доставалось знание: не как чисто духовное озарение, а как поедание красивого яблока. Вместе то и другое создавало ощущение чего-то нового, чего еще не было у человека. Это смутное влечение к новизне и оказалось тем крючком, на который змей поймал Еву и Адама. В них проснулось любопытство – желание узнать то, чего они еще не знали, что могло прибавить нечто еще неведомое к той полноте всего, которая, казалось, уже была у них в раю. Отсюда следует, что на самом деле у них не было чувства полноты. Их потенциальная жажда стать всем – то есть, на самом деле, Богом, – не находила утоления в том, что давал им Бог, и они ухватились за яблоко, предложенное змеем, потому что именно этого им больше всего хотелось – стать «как боги, знающие добро и зло». Ничего другого от них нельзя было ожидать. Ни в чем так хорошо не проявилась живая, ребячливая и настырная человеческая природа, как в истории грехопадения. Первые люди потянулись за яблоком не из зависти, гордыни и порочности, а из хулиганского интереса, из любопытствующего озорства, как два нашкодивших школьника, которые всегда лезут туда, куда их не просят, и делают то, что им настрого запрещено, пока их не выгонит из класса разгневанный учитель.

+

Мать сказала, что, поскольку я некрещеный, рядом со мной ходит бес, и, если бы не ее молитвы, он бы уже давно в меня вселился.

+

(Флоровский о Григории Нисском). Разгадка грехопадения в том, что человек не знал, в чем заключается благо, и выбрал вместо него смесь добра и зла – совершенно так же, как мы поступаем и сейчас. И так же, как сейчас, причина этого, прежде всего незнание, а во-вторых, соблазнительная легкость (у нас еще – и тысячелетняя привычка) достигнуть желаемого через простой акт поедания-совокупления там, где поиски подлинного блаженства потребовали бы слишком много времени и сил. Как и в раю, мы должны питаться чистым благом вместо смеси добра со злом, а для этого надо постараться отделить одно от другого: ухитриться съесть яблоко

¹ Кто такие эти «боги», еще надо разобраться. Ветхий и Новый Завет не отрицают существования богов, о них несколько раз упоминается в Псалмах и у апостола Павла: это некие прежние, дохристианские, как бы младшие боги, о которых не говорится ни в отрицательном, ни в положительном смысле, или, скорее, в отрицательном, но только постольку, поскольку эти «боги» берут на себя полномочия и прерогативы подлинного Бога или, еще точнее, поскольку таковыми их наделяет сам человек. Похоже, что если бы «боги» знали свое место, в них не было бы ничего дурного: они вполне сгодились бы как вспомогательные, служебные духи, скромно реализующие выделенную им норму ответственности, но не как представители Божества, навязывающие человеку слишком низменные и земные представления о жизни.

так, чтобы взять от него только добро и совсем не коснуться зла (что-то вроде избирательного пищеварения). Как это сделать, мы не знаем, это кажется просто невозможным, но все-таки лучше попытаться найти такой способ, чем выбросить все яблоко целиком, как предлагают и делают аскеты. Правда, взамен они говорят об иной, небесной пище, но эту пищу способны есть немногие; остальным остается только умереть с голоду или есть все яблоко познания целиком так же, как и Адам, то есть сразу вместе с добром и злом. Но существует и третий путь.

+

Гностики были великими философами, и они проиграли. Пророки были духовидцами, и они выиграли. Гностики тоже были духовидцами, но видели не так ясно и смешивали свое видение с увлечением мыслительными играми, в которых тоже была истина, но истина слишком субъективная и поэтому в конце концов отвергнутая (так же как сегодня «народ», по словам Шмемана, отвергает слишком субъективных Бердяева и Сергея Булгакова). Истина должна быть проста и ясна в своей цельности, она соборна в том смысле, что не допускает личностных отклонений, и философствующему мыслителю никогда ее не достичь. Но в этом заключается и опасность, потому что, торжествуя, объективная истина воспроизводится по вневличному шаблону, снова и снова пренебрегая субъективным и из-за этого снова и снова не достигая полноты.

+

Если бы я сейчас пошел креститься в Церковь, то не как к Христу-спасителю, источнику благодати и любви, а как к грозному, могущественному Богу, у которого хочу найти покровительство и защиту.

+

Утром обсуждал с женой, почему мы с ней не христиане. Показывал ей сжатый кулак, изображая, как суживается кругозор людей, придерживающихся определенной доктрины или системы взглядов, а потом разворачивал ладонь, демонстрируя, насколько мир шире, чем круг идей, которыми пытаются его описать. Странность положения в том, что объяснить мир можно только через отказ и ограничение, тогда как попытка всеприятия заканчивается сумбуром и хаосом, печальным примером которого могу служить я сам. Христиане говорят: мир сам по себе не важен, природа, красота, творчество – это только ступени, по которым нужно прийти к Богу, где и обретешь всю полноту, притом гораздо большую (этот аргумент особенно сильный), чем та, которую может дать тебе весь мир. А я вот не иду, не хочу идти, и не только потому, что слаб и греховен (хотя и это справедливо), но и потому, что не могу решить для себя несколько умственных проблем. Их всего три: отказ от мира вместо его приятия и преображения; избранничество людей перед Богом и безразличие к гибнущему большинству; торжество зла, не только в этом мире, но и в потустороннем, через бесконечное продолжение в адских муках. Пока я не пойму этого, я, очевидно, и не уверую, как не мог уверовать Августин, пока не разрешил проблему зла.

+

Если я фальшив в отношении к себе, то тем более фальшив в отношении к Богу. Нередко с наглой смелостью задаю Ему вопросы, например, является ли армянское землетрясение проявлением Его Промысла (ибо «ни один волос» и т. д.) и какой смысл может заключаться в одновременной и внезапной гибели нескольких тысяч застигнутых врасплох людей: если это нужно для наказания, то неужели столько заслуживающих наказания, включая маленьких детей, оказались на небольшом участке земли? И чем, в таком случае, они отличаются от всех остальных? Если для назидания, то почему надо было уничтожить именно такое огромное количество людей (а каждый из них – бессмертная, неповторимая душа) и нельзя было ограничиться одной сотней или хотя бы тысячей? Да и какое назидание можно из этого извлечь, если очень скоро люди обо всем забудут, как уже бывало столько раз? С другой стороны, стоя на эскалаторе и в лифте, на всякий случай, если вдруг оборвется лифт, часто непосредственно сразу после задавания таких вопросов мысленно крещусь и лицемерно смиряюсь, повторяя про себя: «Да будет воля Твоя, Господи», «Господи, помилуй мя», и т.п., – как будто ритуальное употребление таких слов, если они произнесены вовремя, может иметь решающее значение для моей посмертной судьбы.

+

Когда я прибиваю к двери календарь с изображением Христа, мне каждый раз кажется, что я распинаю Его заново.

+

Я смогу прийти к Богу, когда окажется, что ничто из этого мира уже не способно меня привлечь. Мир должен поблекнуть, выхолоститься, опустошиться в моих глазах, тогда, может быть, засветится то, что стоит над ним и вне его. Нечто подобное я пережил накануне, читая Якоба Беме и поневоле заражаясь, на час или на два, высотой его мыслей. В ранней юности можно быть легкомысленным и несерьезным, но это время давно прошло, пора наконец понять, что моя жизнь не безделушка, а христианство – не выдумка и не игра, что только это и важно по-настоящему.

+

По учению Церкви, единственное, за что человек отвечает перед Богом, это решения его свободной воли. Только в этой точке Господь добровольно ограничил Свое всемогущество и дал человеку право абсолютной независимости, а значит, и ответственности за самого себя. Все, что лежит за ее пределами, включая человеческие поступки, находится в ведении Бога и под Его контролем – то есть либо прямо направляется, либо только одобряется, либо терпится и попускается ради неизвестных целей Провидения.

Казалось бы, при таких условиях понятие свободы воли должно было стать одной из главных тем в христианской литературе. Ее смысл, происхождение и проявление во всех возможных видах, возрастах и состояниях; ее взаимоотношения с природой и средой, обстоятель-

ствами рождения и жизни, воспитанием, характером, наследственностью; ее динамика или, наоборот, неизменность во времени; ее отношение к благодати и Божьей помощи, без которой, как известно, человек не может спастись своими силами, но которая при этом не должна влиять на его свободную волю, – все это должно было быть подробно разобрано и обосновано церковными отцами и учителями.

Ничего подобного, однако, не произошло. Вопреки реальному опыту и здравому смыслу, вопреки всему, что известно нам о мире, жизни и человеке, с чем сталкиваешься повседневно и очевидность чего невозможно отрицать, свобода воли рассматривается как нечто абсолютно ясное, простое, цельное и неизменное, как нечто безусловно существующее и постоянно, в равной степени и в любое время предоставленное к нашим услугам. Свобода воли полагается за аксиому, о ней говорят мимоходом, случайно или в виде исключения, как о чем-то само собой разумеющемся или о чем-то таком, о чем вовсе не следует спрашивать. Никто, например, не взялся объяснить, откуда и в какой именно момент появляется свободная воля у младенца (а если она у него уже есть, то как и каким образом проявляется и если не проявляется, то почему), и как так получается, что несколько первых лет, проведенных человеком в растительно-животном состоянии и весьма существенных для его формирования, несколько не воздействуют на эту новорожденную волю. Неизвестно также, как впоследствии удастся ей, этой свободной воле, неуязвимой и незапятнанной пройти среди столь многих теснящих ее отовсюду сил, притом что детский разум некрепок, душа подвержена влияниям, а воля мало-сильна; и как быть с идиотами и уродами, искривленно видящими мир, – неужели и у них воля пряма и чиста? – и с тем, кого, подобно цепному псу, с ранних лет намеренно воспитывали в неверии и злобе, далеко от имени Христа; и то, свободна ли наша воля во сне, свободна ли она постоянно или только иногда, всегда в полную силу или порой только наполовину или, может быть, на треть; каждое ли мгновение человек делает выбор (и воздействуют ли, в таком случае, предыдущие мгновения на последующие, то есть влияет ли выбор, сделанный мгновение, час, год назад, на выбор, делаемый в настоящую минуту) или он должен только однажды, но уже раз и навсегда, обратиться к Богу и Христу; и то, что означает невмешательство Господа в человеческую волю: подталкивает ли Он ее, направляет, помогая намеками или прямыми указаниями, дабы я выбрал верный путь, и если да, то делает ли Он это для всех в равной степени, то есть всякому человеку ясно и очевидно указывает истинную дорогу, укрепляя при этом его дух (без чего тот будет слишком слаб, чтобы даже при самых ясных указаниях спастись самостоятельно), и где при такой помощи лежит граница между косвенным воздействием и прямым вмешательством в свободу воли; короче говоря, свободна ли на самом деле свободная воля.

+

Надо понять, что Бог не ответит тебе, сколько бы ты к Нему ни обращался, но что из этого еще не следует, что Его нет или что Он не благ. Надо отнестись к этому необъяснимому факту как к данности и аксиоме, раз и навсегда определенному условию, и попробовать, невзирая ни на что, примириться с этим положением вещей. Попытаться не спрашивать, не возмущаться, почему дела обстоят так, а не иначе, не ожесточаться, с горькой улыбкой вопрошая Господа: «Что же Ты не вмешиваешься? Почему Ты молчишь?», – а вдруг как-то открыть, что за чем-то это так и нужно, что ничего другого и не может быть. Не наталкиваться на это обстоятельство, как на непреодолимое препятствие, а принять его за отправную точку.

+

Как возможно богохульство? Бога не может оскорбить, задеть или как-то коснуться мое дурное мнение о Нем, тем более впустую сказанные слова, – они могут быть только нелепыми и смешными. Богохульство, может быть, самый глупый, но не самый скверный вид греха.

+

Если верно, что ни один волос не упадет с головы раба Божьего без воли Господа, тогда ни один человек не мог бы умереть раньше, чем использовал бы все возможности для раскаяния и спасения. Ведь Бог, по Своему всеведению и предвидению, знал бы, что этот человек еще может спастись, а по Своему милосердию – не дал бы ему умереть и отправиться навечно в ад раньше, чем тот успел бы реализовать эту возможность. Значит, все, кто умерли неуверовавшими и необращенными, уже никогда не могли бы уверовать и обратиться. Правда, в таком случае человек, строго говоря, мог бы и совсем не родиться, поскольку все его поступки, а значит, и его судьба, заранее известны Богу, неважно, проживет он десять или сотню лет; да и сам мир в целом тоже мог бы не возникать, довольно того, чтобы он умозрительно промелькнул в предвидении Бога. Но поскольку мир существует, значит, в материи есть своя сила и необходимость, и то, что замыслено, должно быть и воплощено: так же художнику недостаточно просто продумать свое произведение, а надо высечь его из камня, нарисовать, вылепить или как-то по-другому привести в видимый и осязаемый вид. Что не воплощено, того и нет, и если бы никто из людей не прожил бы ни одного дня, то и предвидеть было бы нечего. Значит, человек должен родиться и жить, и все вопросы остаются на месте: почему один живет мало, другой долго; почему один глуп и прозябает как животное, а другой высоко одарен, духовен, способен все видеть и понимать; почему одному спасение само плывет в руки, а другой безнадежно от него далек.

+

Позавчера вечером, вместо ожидаемой ссоры с женой, разговаривал с ней о Первом Вселенском соборе. Если бы христианство не было объявлено государственной религией, этот собор не мог бы состояться: все ограничилось бы перепиской между епископами, анафемствованием еретиков и отеческим внушением колеблющимся. Ересь, естественным образом развившись и растекшись, заглохла бы сама собой или теплилась бы на задворках основной доктрины. Удивительно, что никого из церковников не смущала мысль об объединении с властью, вследствие которого они впервые из гонимых и жертвующих за веру превратились в гонителей, опиравшихся на силу государства и с ее помощью посылавших непослушных в заключение, сжигавших книги и грозивших смертью за любое отклонение от догмы. Переход этот не только не нашел осуждения ни у кого из епископов, с жаром обсуждавших ересь Ария, а наоборот, преподносился как величайшее достижение и победа христианства, свидетельство его истинности и силы, как залог того, что вскоре оно распространится повсеместно и завоюет мир. Между тем, встав на этот путь, Церковь навсегда себя закабалила, впад в зависимость от власти имущих, пошла на множество компромиссов, развратилась сама и развратила других и дошла наконец до такого состояния, что многим – в том числе и мне – стало трудно верить, что такая земная Церковь может быть отражением Церкви Небесной. А ведь можно представить себе

другую Церковь: терпимую к инакомыслию и еретичеству, противостоящую им только словом и примером, сосредоточенную на одном небесном и не знающую земного, Церковь не иерархическую, монолитную и пронизанную железной дисциплиной, а горизонтальную, объединенную лишь свободным духом, не боящуюся никакой заразы и в сохранении чистоты веры, как и во всем остальном, полагающуюся на благодать Господа и Божий промысел, а не на постановления соборов, поддержку правителей и суды инквизиции. Церковь, где не было бы императоров-ариан, королей-реформаторов и первосвященников, содержащих войска и ведущих войны.

+

Вопрос о естествах и лицах в Иисусе Христе логически неразрешим. Согласно принятому догмату две природы в Богочеловеке были соединены «нераздельно и неслиянно»: потому что если бы они соединились «раздельно», то мы не могли бы спастись через причастность к Божественной природе, а если «слиянно», то природа Бога претерпела бы изменение, что невозможно. Но если две природы объединились в одном лице, что-то неизбежно должно было измениться, – либо лицо, либо природа, либо то и другое вместе. Несторию представлялось естественным, что двум природам во Христе соответствуют и два лица, ибо иначе приходилось допустить, что человеческое естество в Иисусе не имело своего лица или что Бог-Слово претерпел некоторое изменение, когда, воплотившись в Богочеловека, стал олицетворять не только Божескую, но и человеческую природу. Если можно признать, что Лицо Бога-Слова не изменилось, приняв в Себя человеческую природу, то можно признать, что и естество Его не изменилось, слившись с человеческой природой, то есть став Богочеловеческой. Так или иначе, способ, каким две природы были связаны в Иисусе, по словам св. Кирилла Александрийского, остается «непознаваем и неизъясним». Соединение природ не понимается, а только постулируется в том смысле, что Христос был совершенным Богом и совершенным человеком, и, дабы Домостроительство не оказалось тщетным, Бог и человек должны существовать в нем обособленно: то есть «неслиянно», на известном расстоянии друг от друга, но и не настолько далеко, чтобы нельзя было мыслить их соединенными. Но мы не можем ничего сказать ни о том, что их держит вместе, ни о том, что разделяет. Я не осмеливаюсь утверждать, слились природы или не слились, потому что, если меня спросят, как это произошло, я не смогу ответить ничего вразумительного. Или, сказав, что две природы слились в одну, я буду подразумевать при этом то же самое, что другие утверждают, говоря о нераздельности и неслиянности.

+

В очередной раз спорили на кухне с женой, на этот раз о предопределении. Кухня – наш дискуссионный клуб, мы разговариваем каждый день после обеда, это способствует хорошему пищеварению. Говорим громко, с раздражением, на грани ссоры. Я задаю вопросы и провоцирую, расшатывая устои, а жене достается трудная роль ответчика и защитника догматов.

+

Церковь вызывает сочувствие и симпатию, когда она гонима, когда мир отвернулся от нее и она стоит в стороне, словно оплеванный святой, заповедником духовной благодати и истины.

Вспоминаются ее учителя, подвижники, отцы, принявшие мученический крест и засвидетельствовавшие свет Христовой веры. Но можно вспомнить и другое – что в пору своей силы, царствуя в умах и странах, Церковь проявляла самые скверные свои качества: мракобесие, нетерпимость, сухой и безжалостный догматизм, грубую воинственность, низкопоклонство перед властями. И поскольку ни в одном из своих действий она, по-видимому, не раскаивается (поскольку по определению не может ошибаться), то можно ожидать, что в благоприятных для нее обстоятельствах все повторится снова.

+

Обращение в православную веру было бы для меня не просто нравственным подвигом самоотречения, а прямым насилием над своей душой. Я не могу избавиться от чувства неестественности и принужденности такого поступка, как если бы установлению веры мешало не что-то внутри меня, а я весь целиком, и для того, чтобы уверовать, мне следовало бы родиться заново, – не в духовном смысле, а фактически, в утробе, как рождаются младенцы.

+

Как ни странно, я считаю за свою заслугу то, что не являюсь ортодоксальным христианином. Если бы я действительно уверовал, бесповоротно обратился бы к Богу, надел бы священнические одежды, то со мной уже не о чем было бы разговаривать, мое мнение стало бы мнением вышестоящего церковного начальства, печать на мне была бы окончательно поставлена и тема закрыта. Зато мое отщепенство может сойти за проявление свободомыслия, за широту взглядов, независимость позиции, с которой я могу покритиковать и Церковь, и безбожников, и оккультистов, оставаясь в то же время надо всеми или, по крайней мере, в стороне от всех.

+

Меня, как Буриданова осла, раздирают два противоположных устремления и две взаимоисключающие цели. Одна – это целиком и полностью отдаться православной Церкви, перестать упрямиться, грешить и мудрствовать, оспаривая и с пристрастием обсуждая любое ее слово, а бесхитростно и просто, с открытым сердцем, благодарностью и умилением признать и принять Христа и в придачу все, что говорили, писали и установили в качестве догматов церковные соборы и отцы: включая адские муки, непонятное мне избранничество и еще множество недоумений и вопросов, которых я так и не разрешил. Было бы прекрасно войти наконец в церковное общение, стать прихожанином, ежедневно посещать храм, службы, исповедоваться и причащаться, соблюдать посты, молиться по утрам и перед сном, чувствуя себя единым целым с чем-то более великим и важным, чем я сам; жить бодро, строго, сосредоточенно, светло, вычистив многолетний сор в своей душе; обрести незыблемую веру и пребывать в любви и истине, а не в вечных сомнениях и раздоре с самим собой. Другая возможность – остаться тем, что я есть, то есть одиноким искателем истины в своей высшей точке и сластолюбивым, ленивым и тупым скотом – в низшей; быть полувосторженным, полущиничным созерцателем, праздно философствующим скептиком, ничего не принимающим на веру и дотошно докапывающимся до мельчайших деталей каждого утверждения и постулата, доводя их до логического и чаще всего абсурдного конца; но зато иметь возможность рассуждать обо

всем смело и нескованно, без оглядки на авторитеты, полагаясь только на свою интуицию, опыт и широкое понимание жизни.

+

Плохо то, что, придя в Церковь, я буду обязан принять все те внешние обряды, традиции и наслоения, которыми она обросла за двадцать столетий. Я буду читать Четьи-Минеи, слушать хоровое пение и поклоняться мощам, соблюдать правила и формы, которые хотя и не обязательны для всякого уверовавшего во Христа и не вытекают прямо из этой веры, но являются неизбежным следствием прихода в определенное общество, имеющее свой дух и тон. Давние события истории, легенды о местных святых, тип национальной культуры, тысячи мелочей, часто неизвестно откуда взявшихся, но освященных временем и авторитетом Церкви, будут насильствовать мои пристрастия и вкусы, принуждая в то же время отказаться от всего, что было дорого и соприродно сердцу: благородного стоицизма римлян, греческой наготы, китайских причуд дао, японского дзен, кодекса чести мушкетеров, величия Наполеона, красоты декаданса, капризов рококо. Даже интонация, с которой принято выражать свои мысли, в православии закреплена определенной, величественно-благодостной манерой, каковую, очевидно, придется усвоить и мне, несмотря на то что она нравится мне не больше, чем расписные ложки или русская окрошка. Все это, конечно, может показаться незначительным по сравнению со спасением души, но поневоле делается страшно, что сама эта душа будет деформирована и искривлена, как тело узника, посаженного в каменный мешок.

+

Примиришься со всей жестокостью, злом и несправедливостью в мире, признав, что это почему-то нужно для Бога. Сделай это из простого рассуждения, что лучше признавать это и верить в благого Бога, чем не верить ни во что. Неужели ты действительно стараешься найти какую-то другую истину, отличную от христианской, и притом такую, которая могла бы все объяснить и во всем тебя устроить?

Два возражения: во-первых, такое примирение может быть только теоретическим, при первом же столкновении с реальным злом ты увидишь его несостоятельность, зло опять станет необъяснимо и невыносимо, снова вызовет отчаяние и ужас, которые, в конечном счете приводят к богохульству. Во-вторых, раз уж ты дошел до того, чтобы отказаться от собственного разума, может быть, все-таки стоит попробовать рискнуть и поискать другую истину, возможно, именно этого ждет от тебя Бог: пойти на риск «потери» души и через это обрести спасение. В тумане брезжит новая истина, не отвергающая христианства, а включающая его в себя, неизведанная, свежая, огромная, как неоткрытый материк.

+

Землетрясение в Турции, 7000 убитых. Длинная цифра, семерка и три нуля: семерка – крест, нули – условное обозначение длинного перечня исчезнувших душ. Не хочется даже думать, какой смысл может быть во всем этом с точки зрения «Провидения» (грудные дети, сутками задыхающиеся в темноте под завалами, заживо замурованные, сходящие с ума люди всех возрастов, добрые, злые, грешные, обычные). Может быть, никакой «жалости» и не

должно быть у Бога, это «слишком человеческое» чувство, праведность, вера, спасение и неведомые нам цели Промысла гораздо важнее, чем чья бы то ни было жизнь, в конце концов, все человечество висит на волоске, оно уже давно могло бы целиком погибнуть при потопе, а это не какие-то там семь тысяч. К тому же у таких катастроф есть свои положительные стороны, они подавляют людей (тех, кто остался жив) грандиозностью происходящего, заставляя их позабыть про свои мелкие дрязги: например, греки на время помирились с турками и теперь оказывают им помощь. Катастрофа – это средство очищения, призыв очнуться. Жаль только, что теперь почти никто, даже в таких исключительных случаях, не вспоминает о Боге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.